

НОВЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

Сундукова Е. А. Ойконимия севера Удмуртии : дис. на соиск. ... канд. филол. наук / Е. А. Сундукова ; Удмурт. гос. ун-т. — Ижевск, 2011. — 445 с.

В июне 2011 г. в Удмуртском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Евгении Александровны Сундуковой «Ойконимия севера Удмуртии». Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания УдГУ, научный руководитель — д-р филол. наук, проф. В. К. Кельмаков.

Современная удмуртская ономастика нацелена прежде всего на освоение неразработанных областей онимического пространства, одной из которых является ойконимия северной Удмуртии. Охватывая Базезинский, Глазовский, Дебесский, Игринский, Кезский и Ярский муниципальные районы, северная Удмуртия занимает ныне верхнекамскую часть Восточно-Европейской равнины, переходящей в Западное Приуралье. Известно, что на этой территории — в бассейне Чепцы — уже в эпоху мезолита проживали охотничье-рыболовные племена. В более позднее время здесь отмечены осколочные элементы отдельных этносов, занесенных либо колонизационными, либо другими волнами. В то же время установить точное количество селений в ранний период истории северной Удмуртии невозможно ни по сведениям переписных книг, ни по иным материалам. Поэтому особое место в определении количества селений занимают данные административно-территориального деления Удмуртии в советский период.

В настоящее время в шести вышеуказанных районах северной Удмуртии числится 634 населенных пункта. В 1929 г. в пяти из этих районов (данные по Игринскому району отсутствуют) числилось 1 229 селений. Как явствуют подсчеты, за прошедшие 82 года в северной Удмуртии исчезло 595 населенных пунктов. С исчезновением селений могут быть окончательно забыты и их названия, поэтому неотложность изучения ойконимии региона возрастает с каждым годом, тем более что ойконимы в какой-то мере отражают диалектные черты, ценные для изучения истории удмуртского языка. Тем самым диссертационное исследование Е. А. Сундуковой является, несомненно, актуальным и своевременным.

Цель этого исследования — комплексное описание ойконимии севера Удмуртии. В ряд основных задач работы вошли составление списка официальных и народных ойконимов региона по состоянию на 2011 г. с учетом исключенных из административно-территориального устройства деревень; характеристика географических и историко-этнических условий, на базе которых создавалась ойконимическая система севера Удмуртии; определение роли и места апеллятивной лексики в номинации селений; выделение лексико-семантических групп ойконимов с учетом мотивации названий; выявление отраженной

в ойконимии географической и культурно-исторической информации; характеристика основных структурных типов ойконимии севера Удмуртии; сопоставление материалов и результатов исследования с топонимическими данными других регионов.

Теоретической и методологической основой работы явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные общим и частным вопросам топонимологии. Главным образом исследование проводилось на основе методов компаративистики и сопоставительно-типологической лингвистики, с использованием элементов описательного, этимологического, формантного и структурно-словообразовательного анализа. Кроме того, в работе применены приемы инвентаризации ойконимов, методы картографирования и квантитативного анализа.

Свои изыскания Е. А. Сундукова проводила на основе добротных полевых материалов, собранных ею в 2003–2008 гг., а также на основе фольклорных и диалектологических материалов, собранных студентами факультета удмуртской филологии УдГУ. Картотека полевых материалов насчитывает 1 448 названий; наряду с полевыми данными автором использованы статистические издания разных лет, словари, тематические справочники, памятники письменности удмуртского языка.

Структура диссертации отличается стройностью и логичностью. Работа состоит из введения (с. 5–53), основной части, содержащей три главы (с. 54–285), заключения (с. 286–300), библиографического списка (с. 301–330), перечня словарей и источников (с. 331–336), условных сокращений (с. 337–341), приложений (с. 342–445). Библиографический список содержит 317 наименований, из них 12 на иностранных языках.

Во введении, согласно установившейся традиции, обосновывается актуальность темы исследования, указываются его объект, предмет, цель и задачи, характеризуются используемые в работе методы, описываются топонимические источники, раскрываются научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость. Далее приводится физико-географическая и историко-этническая характеристика региона, описывается его административно-территориальное деление, анализируется история предшествующего изучения ойконимии севера Удмуртии. При всей подробности этих данных автор, к сожалению, не касается во введении целого ряда важных вопросов. Все ли собранные названия интерпретируются на почве удмуртского языка? Если не все, то сколько ойконимов относится к разряду заимствований? Средствами каких языков они объясняются? Имеются ли для ойконимических апеллятивов изоглоссы на территории Среднего Поволжья?

Глава 1 «Апеллятивная лексика в ойконимии севера Удмуртии» состоит из двух разделов. Первый раздел носит название «Апеллятивы, имеющие непосредственное отношение к поселениям». Выявленный Е. А. Сундуковой соответствующий лексико-семантический ряд включает восемь лексем: *гурт* ‘деревня’, *починка* ~ *пöчинка* ~ *пос’ин’ка* ‘починок’, *кар* ‘городище, укрепленная крепость’, ‘город, центр (уезда, губернии)’, *гу ин* ‘селище (место, где раньше было селение)’, *вужгурт* (букв. «старая деревня»), *въл’гурт* ~ *вил’гурт* ~ *въл’гурт* (букв. «новая деревня»), *погоста* ~ *повоста* (< рус. *погост*) ‘небольшое селение, сельцо, деревенька, хутор, заезжий постоялый двор, находящийся на дороге, вне селения’, *кутор* (< рус. *хутор*) ‘одинокая крестьянская усадьба с земельным наделом в сельской местности; выселки, маленькое селение, жители которого нередко связаны родственными отношениями’. Примечательно, что в этом ряду не отмечен апеллятив *село*, однако автор не объясняет, чем обусловлено его отсутствие.

Второй раздел 1-й главы называется «Апеллятивы, имеющие опосредованное отношение к поселениям». В разделе представлено 78 лексем: гидрографические и орографические апеллятивы; нарицательные слова, связанные с землепользованием и обработкой земли; лексемы, обозначающие лесные участки, объекты хозяйственного назначения; слова, указывающие на местоположение объектов; метафорические апеллятивы.

В целом анализ этого материала проведен автором компетентно, однако отдельные этимологические статьи вызывают замечания. Так, для удм. *шур* 'река', имеющего генетические связи с коми *шор* 'ручей, поток', явно некорректно соотнесение с эст. *saar*, фин. *saari* 'остров', поскольку пермские лексемы этимологически не связаны с прибалтийско-финскими и являются по отношению к ним гетерогенными омонимами. Этимологически дискусионен и вопрос о нарицательном *чэткэр* 'гора, возвышенность', которое, как отмечает Е. А. Сундукова, удмуртские топонимисты пытаются генетически сблизить с марийским антропонимом *Чоткар* (ср. имя популярного фольклорного героя *Чоткара Патыра*). Заманчивым основанием для такого сближения является, видимо, сходство внешнего звукового облика слов, однако реальные возможности этимологизации в данном случае состоят в поисках субстратных отложений в топонимии Урало-Поволжья. Слово *чэткэр* является, скорее всего, сложной лексемой субстратного происхождения, состоящей из компонентов *чэт* и *кэр*.

Результаты анализа ойконимических апеллятивов обобщаются в выводах к 1-й главе. Автор отмечает, что наиболее распространенными в ойконимии северной Удмуртии являются апеллятивы *гурт* 'деревня' (163 фиксации), *шур* 'река' (106), *починка* ~ *пöчинка* ~ *пос'ин'ка* 'починок' (51), *луд* 'поле' (32), *мувыр* ~ *мовыр* 'возвышенное место' (21), *вай* 'исток, рассоха; ветвь', 'ответвление; приток реки, ручей' (20), *кар* 'городище, укрепленная крепость', 'город' (12), *йаг* 'сосновый бор' (12).

Глава 2 «Лексико-семантическая классификация ойконимов севера Удмуртии» состоит из пяти разделов. Анализируемый топонимический материал Е. А. Сундукова делит на четыре основные лексико-семантические группы: 1) ойконимы, образованные от нарицательных лексем; 2) ойконимы, образованные от имен собственных; 3) локативные ойконимы; 4) ойконимы-посвящения.

Первая группа (228 ойконимов — 15,75 %) подразделяется автором на две подгруппы: а) названия, отражающие физико-географические особенности местности, флору и фауну (151 ойконим — 10,43 %); б) названия, отражающие хозяйственную деятельность человека, его быт, общественные отношения (77 ойконимов — 5,32 %).

Анализируя этноойконимы, Е. А. Сундукова выделяет в особую группу названия, имеющие в своем составе лексему *пор*, которая употребляется в значении 'мариец'. При этом автор уточняет, что в северной Удмуртии на момент возникновения деревень с названиями на *Пор*-марицев не было. В связи с этим заслуживает внимания то, что наименование *пор* носит одна из фратрий обских угров. Однако вопрос о наличии или отсутствии генетических связей мари с фратрией обских угров *пор* никем из исследователей не ставился. Согласно мансийским преданиям, род *пор* является не чисто мансийским, а смешанным с ханты. Вероятно, возникновение указанных названий (*Пор-кар*, *Пор-пи*, *Пор-шурь*) относится к тому времени, когда на территории северной Удмуртии жили предки обских угров.

Названия второй группы (1 007 ойконимов — 69,54 %) Е. А. Сундукова подразделяет на три подгруппы: а) отантропонимные ойконимы (584 названия — 40,33 %);

б) отворшудные ойконимы (35 названий — 2,42 %); в) вторичные ойконимы (388 названий — 26,79 %).

Ойконимы третьей группы именуется локативными (107 названий — 7,38 %). Они имеют в своем составе лексемы с пространственными значениями, например *Вукобер* — от *вуко* ‘мельница’ и *бэр* ‘за, место, за чем-либо’, букв. «за мельницей» (деревня, расположенная за мельницей), *Квасер* — от *кѳа* ‘святилище’ и *с’эр* ‘зад, место за чем-либо’, букв. «за святилищем» (деревня, расположенная за святилищем).

К четвертой группе отнесены ойконимы-посвящения (20 названий — 1,38 %), например *Выл’с’урэс* («Новый Путь»; старое название *Короли*), *Побэда* («Победа»).

В особую пятую группу автор включает ойконимы, которые недостаточно расшифрованы (86 названий — 5,95 %). В этом случае, правда, не вполне ясно, как следует понимать недостаточно расшифрованные названия: для них не выяснена семантика праформы или не определена их языковая принадлежность?

Завершая обзор 2-й главы, следует отметить, что анализируемый в ней материал строго систематизирован, богат ценными сведениями и свежей информацией о семантических типах удмуртских ойконимов. Выводы, к которым приходит автор, не вызывают сомнений.

Глава 3 «Структурная классификация ойконимов севера Удмуртии» посвящена актуальной, но недостаточно разработанной в удмуртском языкознании проблеме.

Проводя структурный анализ ойконимов севера Удмуртии, Е. А. Сундукова предлагает обратить внимание на особенности названий типа *Гöйэ/выр//пöчинка* и *Бигра/гурт//пöчинка*. Несмотря на то, что атрибут подобных названий состоит из двух самостоятельных слов, в составе ойконима они могут рассматриваться как простые образования. Исходя из этого, Е. А. Сундукова заключает, что к делению ойконимов на простые и сложные следует в каждом случае подходить дифференцированно. Как она отмечает, подобный подход к выделению структурных типов топонимов был применен при исследовании финской, карельской и вепсской топонимии. В то же время, на наш взгляд, такой подход может внести большую путаницу в изучение особенностей топонимического словообразования.

По количеству компонентов все ойконимы северной Удмуртии Е. А. Сундукова делит на простые, сложные и эллиптированные. Простые ойконимы (977 названий — 67,47 %), как отмечает автор, образуются путем трансонимизации как апеллятивов, так и имен собственных без участия топонимических формантов. Сложные ойконимы (440 названий — 30,39 %) состоят из двух или более элементов, тесно связанных между собой. Эллиптированные ойконимы (31 название — 2,14 %), как свидетельствуют цифровые данные, в ойконимической системе северной Удмуртии немногочисленны. Е. А. Сундукова права, утверждая, что в тех случаях, когда детерминант ойконима является малоупотребительным или именуется единственный на определенной территории объект, возможен эллипсис атрибута: *Пöчинка* < *Вор/пöчинка* ~ *Гор/пöчинка* ~ *Вър/пöчинка*; *Пöчинка* < *Пайа/пöчинка* и т. п.

Теоретическая часть исследования завершается заключением, содержащим умело сформулированные выводы по всем главам.

Особо следует отметить ценные материалы, содержащиеся в приложениях к диссертации. Это прежде всего карты, которых представлено восемь: карта путешествия Д. Г. Мессершмидта (1726) по землям северных удмуртов (по В. В. Напольских), общая

карта исследуемой территории и карты шести относящихся к ней административных районов. Бесспорный интерес для ономастов представляют также имеющиеся в приложениях списки неофициальных и официальных ойконимов севера Удмуртии.

Таким образом, в работе Е. А. Сундуковой поставлены и решены важные вопросы удмуртской ономастики, связанные со сбором и систематизацией ойконимов севера Удмуртии, их лексико-семантическим и структурно-типологическим анализом. Исследование обширного материала позволило автору сделать ряд тонких наблюдений, демонстрирующих соответствие и несоответствие апеллятивов-детерминантов описываемой реалии, выявить семантические группы апеллятивов и объяснить их происхождение, определить своеобразие ойконимии исследуемой территории.

Нельзя не отметить, что результаты работы Е. А. Сундуковой имеют существенное значение не только для удмуртской ономастики. Они могут быть использованы в сравнительно-типологическом изучении топонимов Урало-Поволжской историко-этнографической области, в обобщающих исследованиях по пермской, финно-угорской и уральской ономастике, в работах по общей топономастике и ономотологии. Соответственно, теоретические положения и материалы диссертации могут послужить хорошей опорой при составлении таких учебных и научных изданий, как «Топонимический словарь Удмуртии», «Удмуртская ономастика», «Финно-угорская ономастика», «Типовые финно-угорские топоосновы» и др. Разумеется, в диссертации встречаются отдельные спорные положения, которые отмечались выше, однако они ни в коей мере не снижают ее высокой научной значимости.

А. Н. Куклин

Рукопись поступила в редакцию 04.07.2011 г.